

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-208-220>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. В. В. Шадурский
г. Великий Новгород, Россия

РЕЦЕПЦИЯ АВВАКУМА В ТВОРЧЕСТВЕ МАРКА АЛДАНОВА

Аннотация: Протопоп Аввакум интересовал Марка Алданова как личность, включенная в события истории России и связанная с преобразованием русской литературной традиции. Черты разных сочинений Аввакума обнаружены в публицистических («Армагеддон», «Огонь и дым»), художественных («Советские люди (в кинематографе)», «Пуншевая водка», «Повесть о смерти») и философских («Ульмская ночь») произведениях Алданова, который видит в Аввакуме гениального писателя и разрушителя естественного хода истории. В творчестве Алданова — мировоззренческая антитеза: он не принимает идеи Аввакума, борющегося на сохранение уходящих традиций, и не принимает идеи Ленина, сметающего традиции. По мнению Алданова, характеры этих исторических деятелей объединены разрушительной страстью, но Аввакум полон заблуждений, он незлобивый, гонимый мученик, а Ленин является источником ненависти, социального и политического зла. Отрицательный аспект рецепции состоит в неприятии позиции Аввакума, в признании «первобытной» природы его бунта и невежества. Неумная энергия Аввакума, его влияние, непреклонность и осмысленное желание расколоть общество, усилились в характере и поведении Ленина. В сравнении с отношением к Аввакуму Д. П. Святополк-Мирского и А. М. Ремизова проясняется амбивалентный характер алдановского изображения Аввакума. Положительный аспект рецепции — это восхищение стилем Аввакума, использование мотивов его сочинений в прозе Алданова. В повести «Пуншевая водка» образ Аввакума возникает в сознании подводящего итоги жизни М. В. Ломоносова, цитируются аввакумовские произведения; все это позволяет Алданову выразить идею счастья гения. В романе «Повесть о смерти» Алданов использует мотив «Жития протопопа Аввакума»: образ жены Лейдена, страдающей из-за поступков своего мужа и не осознающей его беду, создается в соотнесенности с ситуацией, в которой оказалась жена протопопа. Образ Аввакума формируется еще в первых публицистических статьях Алданова и меняется в его творчестве в 1930–1950-е гг. Алданов не создает персонажа Аввакума, но апеллирует к его личности, ведет с ним постоянный диалог. Аввакум из раскольника и предвестника большевиков превращается в помощника понимания смысла жизни («Пуншевая водка»), его слова и образы помогают Алданову представить развитие русской литературы («Ульмская ночь») и создать персонажей романов («Повесть о смерти», «Бред»).

Ключевые слова: образ, Марк Алданов, протопоп Аввакум, Владимир Ленин литература русской эмиграции, рецепция.

Информация об авторе: Владимир Вячеславович Шадурский — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, ул. Б. Санкт-Петербургская, д. 41, 173003 г. Великий Новгород, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0039-7824>

E-mail: shadvlad@mail.ru

Дата поступления статьи: 20.08.2020

Дата одобрения рецензентами: 23.10.2020

Дата публикации: 28.09.2022

Для цитирования: Шадурский В. В. Рецепция Аввакума в творчестве Марка Алданова // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. С. 208–220.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-208-220>

Документальная и художественная проза, публицистика и литературная критика Марка Алданова развивались под воздействием европейской культуры и русской классической традиции в самом широком ее понимании. Одному аспекту рецепции русской классической литературы (Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова) в творчестве Алданова уже посвящено немало статей и несколько монографий [33]. Алданов на протяжении всей жизни апеллировал и к идеям древнерусских писателей, пользовался цитатами из их сочинений, на их основе создавал образы, но изучение алдановского восприятия этой литературы еще только началось [31].

Для понимания рецепции Аввакума в литературе XX в. важны разные комментарии. Писали, что в начале XX в. протопоп Аввакум становится актуальной фигурой «неожиданно» [12, с. 338] и, напротив, что появление аввакумовской темы, с «пророческими» откровениями, естественно в условиях Первой мировой войны, революции и Гражданской войны [23, с. 438]. У Алданова обращение к Аввакуму происходит тоже в связи с осознанием фактов российской истории. Но слово автора «одного из самых интересных и своеобразных произведений русской литературы XVII в., созданного в переломную эпоху развития русской культуры» [14, с. 8] приобретает особое звучание в текстах Алданова.

В публицистической книге «Армагеддон» (1918), из-за запрета большевиков, изданной несколько десятилетий спустя [10], Аввакум называется предтечей Владимира Ленина. Для показа отрицательных черт Аввакума Алданов использует его же уничижительную фразу: «Ни ритор, ни философ, дидаскальства и логофетства не искусен, простец человек и зело исполнен неведения» [10, с. 62]. Позднее в очерке «Советские люди (в кинематографе)» это высказывание будет применено снова при характеристике «всесоюзного старосты» М. И. Калинина. Изысканная риторика гнева, которой искусно владел «вождь мирового пролетариата», словно позаимствована из сочинений Аввакума: «Совершенно так же честил Аввакум ученика, который как-то пошел против его воли: “Не помышляй себе того, дурак, еже от Бога тебе, кроме покаяния, помиловану быти... Да придет на тя месть Каинова, и Исавова, и Саулова, да пожжет тя огонь яко содомлян, аще не зазришь души своей треокаянной! Кайся, трехглавый змий, кайся, собака дура!”» [10, с. 63]. Алданов приводит неполную цитату из «Письма к Алексею Копытовскому» [4, с. 237], воедино собирая ругательства, которые создают обманчивое впечатление, будто Аввакум ненавидел своих учеников. В процессе написания «Армагеддона» Алданов мог обратиться к нескольким редакциям «Жития...» Аввакума [14, с. 6–7], но цитирует так называемый «дружининский» автограф. И даже при таком

деликатном цитировании он допускает грубую контаминацию образов Ленина и Аввакума. Удивительно то, что Алданов не почувствовал и другого. В «книге толкований и нравочений» <...> Аввакум рассуждает не только о скором конце света, но и <...> о том, как никониане подготавливают приход антихриста в мир» [27, с. 45]. Эсхатологические настроения двух авторов были очень близки. Алданов предвидел, как европейскую цивилизацию влечет за собой в темное будущее «колесница Джагернатха» [10, с. 112], но его мировоззрение облекается в эстетические формы и символы («дракон», «колесница»), тогда как сознание Аввакума полно религиозного смысла.

В сборнике «Огонь и дым» (1922) Алданов использует сведения из биографии Аввакума, чтобы создать неожиданный образ Ленина-«раскольника»: «Да, он раскольник. Или вернее, в нем есть и раскольник. В душе Ленина живет подлинная жгучая ненависть к старому миру. Он ненавидит и презирает все проявления буржуазной цивилизации...» [6, с. 75]. Но Ленин — это влиятельный лидер. Влиятельностью отличался и его знаменитый предшественник, например, о необычайной силе воздействия Аввакума на окружающих в Пустозерске писали так: «К Аввакуму, как к пророку, стекались массы, жаждущие чудес и исцелений» [26, с. 277]. Ленин же в очерках этой книги представлен более опасным, чем Аввакум, потому что он «знаток гражданской войны, ее законов и психологии», у него хищная натура [6, с. 76]. И все же позиция Алданова в отношении Аввакума очень неожиданная: протопоп, отстаивающий традиции старого церковного уклада, вносится им в список тех исторических героев, которые препятствовали естественному развитию жизни, именно потому в их деятельности критик видит предвестие большевизма. Так, в очерке «Третий Рим и Третий Интернационал» притягательность коммунистических идей Алданов объясняет бунтарской удалью русских вождей: «Здесь уместно помянуть Ткачева, Нечаева и Аввакума, Гришку Отрепьева и Стеньку Разина, и многих других» [6, с. 103–104]. Аввакум указан в перечне удалых бунтовщиков. В последующих литературно-критических статьях и художественных произведениях Алданов не станет корректировать эту эмоциональную мысль, и Аввакум как «фанатик» навсегда окажется в его «черном» списке.

В литературе первой половины XX в. к образу и творчеству Аввакума также обращались Д. С. Мережковский, М. А. Волошин, А. И. Несмелов, М. М. Пришвин, М. А. Кузмин, другие писатели. Важный этап развития рецепции Аввакума в русском зарубежье связан с именем Д. П. Святополк-Мирского. Так, в 1924 г. в Англии вышла книга переводов «Жития», которую Мирский сопроводил предисловием. Однако К. В. Мочульский восторженную оценку стиля Аввакума воспринял прохладно: ему показалось, что в преклонении перед автором XVII в. прослеживается неприятная тенденция литературы эмиграции: «намечающаяся реакция против художественного канона XIX в.» [20]. Пользу от открытия Аввакума критик не оспаривает, но горестно замечает: «В настоящую минуту Аввакум нам, пожалуй, нужнее Толстого — но будет ли он нам нужен завтра — это покажет будущее» [20].

Мирский свое понимание Аввакума и значение его для литературы изложил в нескольких работах [18; 35]. В целом Аввакум им понимается как «самобытный русский гений», который впервые для литературных целей применил русский язык [24, с. 31]. В книге Мирского об истории русской литературы (1926 г. — на англ. яз.) есть целая глава, связанная с протопопом: «Конец старой Московии: Аввакум». Естественно, Мирский обращает внимание на известную сторону Аввакума: его особый подвиг — подвиг раскольника, бунтаря, проявление небывалой мужественности: «Он пламенный и твердый боец, настоящий враг и настоящий друг» [24, с. 75]. Мирский оценивает

сочинения Аввакума и с эстетической стороны, ведь в его творчестве претворилось много того, что достойно создания новой традиции: «Аввакум — великий художник слова, и каждому русскому писателю есть чему у него поучиться» [24, с. 75]. Но традиции этой не было суждено появиться. По логике книги Мирского, если бы не упрямство Аввакума и не последовавшие испытания, он бы написал что-то еще более выдающееся, чем послания и «Житие».

Но вскоре в другом издании Мирский даст возможность Аввакуму заговорить иным голосом. В 1926 г. журнал «Версты» опубликует «Житие протопопа Аввакума», переписанное рукой А. М. Ремизова, в сопровождении его же примечаний. Этот новый текст был составлен на основе трех ранее известных редакций жития и переписан поморским полууставом. Ремизову Аввакум был близок как личность и творец. В его художественном сознании протопоп Аввакум тоже стал образцом героя, пожертвовавшего жизнью за убеждения. В зарубежье интерес Ремизова к Аввакуму только усилился, и благодаря идее редакции «Верст» он претворился в своеобразное «продвижение» «Жития». Позднее герой ремизовского произведения увидит себя последователем протопопа Аввакума и даже «отправится» с ним в ссылку: «Я никогда не скрывал своей привязанности к протопопу, даже когда протопопа в Сибирь загнали, и стало выражать к нему свои чувства опасно, и в спорах всегда я защищал наш природный русский язык его проповедей» («Царский венец» из кн. «Пляшущий демон», 1949) [21, с. 293]. Более того, он станет очевидцем казни своего «духовного наставника, любимого протопопа Аввакума» [21, с. 294]. Ремизов настолько высоко оценивал оригинальный слог Аввакума, что в книге «Подстриженными глазами», насыщенной аввакумовскими аллюзиями и реминисценциями, склад речи его жития он противопоставит даже стилю «Слова о полку Игореве», который назовет «невывлазно-книжным». Даже в последней книге писателя «Мерлог» целая глава будет отведена Аввакуму. «Ремизов, как Марина Цветаева, идентифицировал себя с бунтарями — Аввакумом, Разиным и Пугачевым, которые играли ключевую роль в русской истории и становлении национального самосознания в поворотные, связанные с насилием периоды, знаменовавшие собой переход от церковной культуры к светской» [25, с. 50], очевидно, что между Ремизовым и Аввакумом обнаружилась бунтарская связь. Алданов же в начале своего творчества был ярким противником подобных мятежников, его либеральное сознание могло принять только золотую середину.

Стихотворные переложения «Жития» были сделаны современниками Алданова. Мережковский изображал страдающего и смиряющегося протопопа, Волошин — страдальца за Христа и веру, Несмелов — сильный характер, противопоставленный «измельчавшим» потомкам [17, с. 408–412]. Но поэтический образ Аввакума Алданова не мог заинтересовать.

Остается открытым вопрос о влиянии на алдановскую рецепцию восприятия Аввакума русскими классиками XIX в. По наблюдениям Е. А. Маймина, идеолог-Аввакум Толстому был не интересен, но его высказывания, меткие, образные, тщательно отбирались писателем для своих будущих произведений; выписки, сделанные Толстым из сочинений протопопа Аввакума, «являются некими стилевыми образцами» [18, с. 504]. Для нас пока остается непонятным, знал ли Алданов об интересе Л. Н. Толстого к биографии и сочинениям Аввакума, знал ли об этой реакции на Аввакума И. С. Тургенева и А. И. Герцена? Вероятно, на Алданова могла произвести впечатление реплика высоко чтимого им И. С. Тургенева, переданная А. Н. Луканиной [5, с. 55–56]: «Я вспомнил житие протопопа Аввакума, вот книга! Груб и глуп был Аввакум, порол

дичь, воображая себя великим богословом, будучи невеждой, а между тем писал таким языком, что каждому писателю следует изучать его. Я часто перечитываю его книгу» [21, с. 4]. Как бы то ни было, рецепция творчества Аввакума была продолжена в очеркостике и художественной прозе Алданова в 1930-е гг.

В основе очерка «Советские люди (В кинематографе)» (1933) представлен просмотр хроники с записью парада Красной Армии. Повествователь изображает разные планы: от вождей на мавзолее до созерцающей толпы. Выделим один нюанс: для описания главы советского государства М. И. Калинина Алданов использует ту же цитату из «Толкований» Аввакума, что применял в «Армагеддоне»: «...ни ритор, ни философ, дидакальства и логофетства не искусен, простец человек и зело исполнен неведения» [11, с. 409]. Аввакумовский мотив приобретает еще одно политическое воплощение: сначала в образе Ленина, теперь в образе Калинина.

В повести «Пуншевая водка» (1938) Алданов показывает внутренний монолог Ломоносова, но монтирует его так, что реплики из разных произведений Аввакума выглядят цельным текстом. Как они вообще могли появиться у Ломоносова? [7, с. 500]. Первое издание «Жития» состоялось только в 1861 г., почти 200 лет этот текст находился под запретом, тайно переписывался старообрядцами и распространялся в рукописных списках. Выходит, что Ломоносов, тайно раздобыв «четкий список» «Жития», тайно его и читает. В этом эпизоде повести ученый перечитывает не сам текст «Жития», а другие произведения Аввакума. Сначала цитируется «Беседа первая. Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания» [1, с. 127]. Второй фрагмент упомянутого сочинения Аввакума — это «Письмо к Симеону: («Чадо богоприимче!...»)» [3, с. 226–227], в тексте повести он размещен Алдановым после многоточия, будто Ломоносов, перевернув страницы списка аввакумовских произведений, продолжил чтение наугад: «А хотя и бить станут или жечь: ино и слава господу богу о сем. На се бо изыдохом из чрева матери своя. А в огне том здесь небольшое время потерпеть — аки оком мгнуть, так душа и выступит. Боишься печи той? Дерзай, плюнь на нее, не бойся» [2, с. 500]. Третий фрагмент — это почти точная цитата «Из беседы восьмой. [Об Аврааме]» [2, с. 142], она тоже приведена после многоточия: «Много никониане людей перегубили, думая службу приносить Богу. Мне сие гораздо любо: освятилася русская земля кровью мученическою...» [7, с. 500]. Все три фрагмента передают важный посыл Аввакума: оставить добрую память, помня о смерти; не бояться страданий, принять необходимость самопожертвования на мученическом пути, в этом счастье, посланное Богом. Мысли Аввакума помогают Ломоносову обрести цельность, осознать смысл жизни: «Оттого ли, что этот человек не только так говорил, но в самом деле погиб на костре, хоть погиб ради мыслей и чувств, совершенно чуждых, даже просто непонятных профессору Ломоносову, или из-за собственных размышлений о близости смерти, о тщете жизни, — страница эта чрезвычайно его взволновала: вот кто не думал ни о высоком, ни о среднем, ни о подлом штиле, — а как писано, и не вздор ли штили! Он смахнул слезу, опустил книгу на колени и долго думал об Аввакуме, о себе: при всем различии, чувствовал в себе и какое-то, хотя отдаленное, сходство с сожженным протопопом, надеявшимся убедить мир, что в костре — счастье. “Да, затем что? не гроб ли?”» [7, с. 500–501]. Так, никем не узнанное счастье победы Аввакума, непостижимое торжество его любви к Богу, обретенное в смертельном пламени, сопоставляется с тайным представлением о счастье умирающего Ломоносова, «о самосожжении во имя счастья других» [32, с. 351]; «вся его жизнь ему казалась полной мук и горя, но было в ней несколько мгновений счастья, недоступного обыкновенным людям» [7,

с. 501]. Образ Ломоносова обретает метафизическую глубину благодаря подразумеваемому диалогу с Аввакумом.

Формирование образа Аввакума-«собеседника» продолжено Алдановым в книге «Ульмская ночь» (1953). В «Диалоге о русских идеях» стиль Аввакума сопоставляется со стилем старца Нила Сорского и опального князя-эмигранта Курбского [8, с. 363]. В «Диалоге о тресте мозгов» вспоминаются слова А. С. Хомякова, который называет лютеранскую церковь «немецкой Аввакумовщиной» [8, с. 419], — а по сути это рефлексия, вводящая новое отрицательное понятие: «Чуждыми гегельянству остались в Германии только непобедимое тупоумие строгих лютеран, так сказать, немецкая аввакумовщина...» [30, с. 301]. «Аввакумовщина» — это признак неуступчивости, оковы жизни, который, наряду с «достоевщиной», «окуровщиной», не принимается свободолюбивым сознанием Алданова.

Аввакумовская рецепция продолжена в «Повести о смерти» (1952–1953). Этот роман содержит всего несколько ассоциаций с «Житием», чтобы подчеркнуть верность и преданность героини: «Ведь смысл жизни Ольги Ивановны был в муже и в дочери, особенно в муже: дочь скоро выйдет замуж и уедет, а с мужем они будут неразлучны до могилы. Тятенька прочел ей как-то из бывшего у него списка знаменитый разговор протопопа Аввакума с женой. Слова “Марковна, до самой смерти” умилили Ольгу Ивановну до слез...» [9, с. 46]. Алданов вспоминает эпизод, когда обессилевшая протопопица обращается за поддержкой к мужу, но в утешение получает только новое обещание страданий [15, с. 32]. Ольга Ивановна тоже страдает в разлуке со своим любимым мужем, не зная о том, какая страсть препятствует его возвращению домой. Ей суждено умереть в счастливом неведении, в печальном ожидании мужа, разрушившего семью. Но это сопоставление оказывается не таким уж и оригинальным в общем контексте литературы зарубежья. Возможно, и сам Алданов не знал о том, что в 1939 г. в Харбине А. Несмелов в поэме «Протопопица» уже изображал Анастасию Марковну. У Несмелова она тоже трагический характер, ее муж увлечен страстью борьбы за старую веру и потерял любовь к жене и детям. Другой мотив «Жития», раскрывающий страдания детей Аввакума и Анастасии Марковны [28, с. 89], Алдановым не используется, так как взаимоотношения дочери Лейдена и Ольги Ивановны не напоминают страданий героев «Жития».

В романе «Бред» (1954–1955) создается образ другого известного писателя допетровской Руси, Нила Сорского. Героиня романа изучает нестяжателей и стригольников, пишет диссертацию об истории русской церкви, поэтому даже в таком тексте рецепция протопопа Аввакума подспудно осуществляется. Если Нил Сорский воплощает собой символ переделки священных текстов, то протопоп Аввакум символизирует отказ от правки церковных книг — зеркальная ситуация с разницей более полутора столетий.

Можно увидеть тенденцию того, как создается образ Аввакума в целом творчестве Алданова. Алдановское изображение Аввакума имеет амбивалентный характер. В первых публицистических работах выражена озлобленность на советскую власть, подчеркнута антибольшевистская позиция, эмоции определили выбор художественных средств. Отрицательные черты Аввакума собраны Алдановым для того, чтобы выразить еще большее неприятие гиперболического преемника «огнепального протопопа» — В. И. Ленина. Алданов видит в Аввакуме гениального писателя и одновременно воспринимает его как разрушителя естественного хода истории. Эта позиция вполне соотносится с той, которая была в XVIII в. свойственна просветителям, видевшим в Аввакуме врага прогресса и просвещения, с той лишь разницей, что они

отвергали всю книжную культуру старообрядцев. Вместе с тем в творчестве Алданова наблюдается мировоззренческая антитеза: он не принимает идеи Аввакума, борющегося на сохранение традиций уходящего мира; но также он не принимает идеи Ленина, сметающего традиции прошлого. По мнению Алданова, характеры этих исторических деятелей объединены разрушительной страстью, различия их небольшие: Аввакум полон заблуждений, он незлобивый, гонимый мученик, а Ленин живет ненавистью и является источником социального и политического зла. В 1930–1950-х гг. аввакумовская рецепция меняет свой характер: вместо деталей из произведений протопопа, вызывающих эмоции, Алданов использует мотивы его сочинений для портретирования исторических героев и вымышленных лиц. Содержание аввакумовской рецепции Алданова не столько объемно, как его восприятие Пушкина, Тургенева, Толстого, Достоевского или Чехова. Остается сожалеть, что многие мотивы, образы Аввакума и даже тот факт, что «аввакумовская автобиография принадлежит к числу “тюремных” произведений» [16], остались без рефлексии Алданова.

Наблюдения за тем, как осуществлялась рецепция Аввакума в творчестве Алданова, позволяют говорить о постоянной соотнесенности образа Аввакума, аллюзий на его творчество и жизнь с образом Нила Сорского, других писателей допетровской Руси. В свою очередь, эта соотнесенность свидетельствует о сильном интересе и глубокой погруженности Алданова в духовный мир древнерусской литературы. В этой литературе он отыскивал то, чего не находил в творчестве Л. Н. Толстого, ведь «думы о смерти каким-то образом сочетались в нем с отсутствием способности к вере, как внутреннему озарению, сопереживанию и диалогу с Творцом» [29, с. 133]. В ней же Алданов обнаруживал огромный заряд духовности. Использование этого «заряда» было нужно Алданову для культурной и духовной самоидентификации, — ощущения себя частью русской культуры. Вместе с тем, воспринимая себя ее частью, Алданов развивал в себе лучшие качества «русского европейца», — как некогда именовали П. Б. Козловского и И. С. Тургенева: «...человека, для которого русская и европейская культурные традиции образуют единое поле историсофского дискурса» [13, с. 16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аввакум. Беседа первая. Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. [М.]: Academia, 1934. С. 124–127.*
- 2 *Аввакум. Из беседы восьмой. [Об Аврааме] // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. [М.]: Academia, 1934. С. 140–144.*
- 3 *Аввакум. Письмо к Симеону: («Чадо богоприимче!...») // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Гослитиздат, 1960. С. 225–230.*
- 4 *Аввакум. Письмо к Алексею Копытовскому // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Гослитиздат, 1960. С. 236–237.*
- 5 *А. Л<уканина>. Мое знакомство с И. С. Тургеневым // Северный вестник. 1887. № 2. С. 55–56.*
- 6 *Алданов М. А. Огонь и дым. Париж: [б.и.], 1922. 190 с.*
- 7 *Алданов М. А. Пуншевая водка // Алданов М. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1991. Т. 2. С. 426–507.*
- 8 *Алданов М. А. Ульмская ночь. Философия случая // Алданов М. А. Сочинения: в 6 кн. М.: Новости, 1994–1996. Т. 6. С. 141–438.*

- 9 *Алданов М.* Повесть о смерти // *Алданов М.* Повесть о смерти. Бред. М.: Гудьял-Пресс, 1999. С. 25–408.
- 10 *Алданов М. А.* Армагеддон // *Алданов М. А.* Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников / сост. Т. Ф. Прокопов. М.: НПК «Интелвак», 2006. С. 5–112.
- 11 *Алданов М. А.* Советские люди (в кинематографе) // *Алданов М. А.* Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников / сост. Т. Ф. Прокопов. М.: НПК «Интелвак», 2006. С. 407–419.
- 12 *Базанов В. Г.* «Гремел мой прадед Аввакум!» (Аввакум. Клюев, Блок) // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М.: Наука, 1976. С. 334–348.
- 13 *Гарциано С.* Марк Алданов — «русский европеец», историософ и идеолог российского европоцентризма // *Уральский М.* Марк Алданов. Писатель, общественный деятель и джентльмен русской эмиграции. СПб.: Алетейя, 2019. С. 16–26.
- 14 *Демкова Н. С.* Предисловие // *Житие протопопа Аввакума.* СПб.: Наука, 2019. С. 5–12.
- 15 *Житие протопопа Аввакума* / изд. подгот. Н. С. Демковой и Л. В. Титовой; отв. ред. А. Г. Бобров. СПб.: Наука, 2019. 441 с.
- 16 *Кожурин К. Я.* Протопоп Аввакум в русской литературе и поэзии // *Protopop-avvakum.ru.* URL: <https://protopop-avvakum.ru/protopop-avvakum-v-russkoj-literature-i-poezii/> (дата обращения: 15.03.2020).
- 17 *Мазунин А. И.* Три стихотворных переложения «Жития» протопопа Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. XIV. С. 408–412.
- 18 *Маймин Е. А.* Протопоп Аввакум в творчестве Л. Н. Толстого // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. XIII. С. 501–505.
- 19 *Мирский Д.* О московской литературе и протопопе Аввакуме (Два отрывка) // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 338–350.
- 20 *Мочульский К. В.* [Рец.] The life of the Archpriest Avvakum by himself / trans. from the seventeenth century Russian by J. Harresson and H. Murrlees; with a preface by Prince D. P. Mirsky. L., 1924 // Звено. 1925. № 117. 27 апр. URL: <https://religion.wikireading.ru/102685> (дата обращения 20.03.2020).
- 21 *Ремизов А.* Огонь вещей. М.: Сов. Россия, 1989. 528 с.
- 22 *Робинсон А. Н.* Творчество Аввакума и Епифания, русских писателей XVII века // *Робинсон А. Н.* Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 3–135.
- 23 *Розанов Ю. В.* Протопоп Аввакум в творческом сознании А. М. Ремизова // Проблемы исторической поэтики. 2005. № 7. С. 437–447. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2682> (дата обращения: 20.03.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2682
- 24 *Святополк-Мирский Д.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Изд-во «Свинын и сыновья», 2005. 964 с.
- 25 *Слобин Г. Н.* Проза Ремизова. 1900–1921. СПб.: Академический проект, 1997. 206 с.
- 26 *Соколов А. Н.* Православная Церковь и старообрядчество. Н. Новгород: Кварц, 2012. 430 с.

- 27 *Сочива Т. А.* Апокалиптические мотивы в «Книге толкований и нравоучений» протопопа Аввакума // Третьи Мяндинские чтения: сб. научн. тр. по мат. Всерос. научн. конф. (8–9 июля 2015 г., г. Сыктывкар) / отв. ред. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2016. С. 44–50.
- 28 *Туфанова О. А.* «Кто ково любить, тотъ о томъ печется...»: мотив любви к детям в творчестве протопопа Аввакума // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 89–100. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-89-100>
- 29 *Уральский М.* Марк Алданов. Писатель, общественный деятель и джентльмен русской эмиграции. СПб.: Алетейя, 2019. 802 с.
- 30 *Хомяков А. С.* О современных явлениях в области философии (Письмо к Ю. Ф. Самарину) // *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. 3-е изд. М.: Унив. тип. на страстном бульваре, 1900. Т. 1. С. 287–318.
- 31 *Шадурский В. В.* Поэтика образа Нила Сорского в произведениях Марка Алданова // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17, № 1. С. 178–204. DOI: 10.15393/j9.art.2019.5721
- 32 *Шадурский В. В.* Анализ и интерпретация повести М. А. Алданова «Пуншевая водка» // Производство смысла: Сб. ст. и мат. памяти Игоря Владимировича Фоменко / ред.: С. Ю. Артемова, Н. А. Веселова, А. Г. Степанов. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2018. С. 343–355.
- 33 *Шадурский В. В.* Марк Алданов — комментатор русской классики. Великий Новгород: Изд-во Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 2016. 111 с.
- 34 *Mirsky D. S.* [Preface] // *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself / trans. from the Seventeenth Century Russian by J. Harresson and H. Mirrlees with a Preface by Prince D. S. Mirsky.* L.: Hogarth Press, 1924. P. VII–XXX.

© 2022. Vladimir V. Shadursky
Veliky Novgorod, Russia

PERCEPTION OF AVVAKUM IN THE WORKS OF MARK ALDANOV

Abstract: What attracted Aldanov to the heritage of Archpriest Avvakum? The brilliant personality of a man who was involved in events in the history of Russia and was instrumental in transforming the Russian literary tradition. Features of a number of Avvakum's works are to be found in Aldanov's journalistic publications — “Armageddon,” “Fire and Smoke” — in his literary works — “Soviet People (in Cinematography)”, “Punch Vodka”, “A Tale of Death” — and in his philosophical treatises — “A Night in Ulm”. Aldanov sees the archpriest as a writer of genius, while simultaneously recognizing him as one who destroyed the traditions of history's natural course. In Aldanov's works one observes a dichotomy of opposing worldviews. While he rejects Avvakum's ideological struggle to preserve the traditions, he is also opposed to Lenin, whose ideology stresses extirpating past traditions. In Aldanov's view, these two historical personages are linked by their passion for destruction. They are distinctive the one from the other, however, in that Avvakum, steeped in delusions, is a mild-mannered,

persecuted martyr, while Lenin, who lives by hatred, is the fountainhead of social and political evil. Aldanov recognizes Avvakum as a writer of genius but also considers him dangerous as a force for influencing the minds of men. His negative perception of Avvakum consists in his rejection of the latter's stance; recognizing the "primordial" nature of his rebellion, he points up the absence of enlightenment. Avvakum's less than intelligent energy, his influence, obstinacy, and his deliberate attempt to fracture his society are features that recur and are intensified in the character and behavior of Vladimir Lenin. If one compares the approach to Avvakum of D. P. Svyatopolk-Mirsky and A. M. Remizov with that of Aldanov, the ambivalent stance of Aldanov's representation of the archpriest is clarified. Another consideration involves the delight of Avvakum's style, how Aldanov uses leitmotifs of the archpriest's works in his own prose. In the novella "Punch vodka", while summing up the life of M. V. Lomonosov, Aldanov cites Avvakum's works, by way of expressing his idea about the unique happiness of a genius, unattainable by ordinary people. In the novel "A Tale of Death", Aldanov uses a leitmotif from "The Life of Archpriest Avvakum, As Written By Himself": the image of the wife of Leyden. She suffers as a result of her husband's actions, while unaware of the paramount calamity of his life, on analogy with the situation in which the wife of the archpriest finds herself. As early as his first published articles Aldanov formulates his approach to the image of Avvakum, but that image is not static. Over the years his attitude toward the archpriest changes. Aldanov does not create Avvakum as a literary personage; rather, he invokes the personality of a writer, with whom a continuous dialogue is carried on. As his literary prose develops we see less of the Avvakum as hatemongering schismatic and precursor of the Bolsheviks, and more of the man who aids us in understanding the meaning of life ("Punch vodka"). His words and images also help Aldanov to display the development of Russian literature ("A Night in Ulm") and to create literary characters in his novels ("A Tale of Death", "Delirium").

Keywords: Image, perception, Mark Aldanov, Archpriest Avvakum, Vladimir Lenin, Russian Émigré Literature.

Information about the author: Vladimir V. Shadursky — PhD in Philology, Associate Professor, Novgorod State University Yaroslav-the-Wise, Bolschaya Sankt-Peterburgskaya St., bldg. 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0039-7824>

E-mail: shadvlad@mail.ru

Received: August 20, 2020

Approved after reviewing: October 23, 2020

Date of publication: September 28, 2022

For citation: Shadursky V. V. Perception of Avvakum in the Works of Mark Aldanov. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 65, pp. 208–220. (In Russian)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-65-208-220>

REFERENCES

- 1 Avvakum. Beseda pervaiia. Povest' o stradavshikh v Rossii za drevletserkovnaia blagochestnaia predaniia [First Conversation. The Story of those who Suffered in Russia for the Ancient Church Pious Tradition]. In: *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniia* [Life of Archpriest Avvakum, Written by him and his other Works]. [Moscow], Academia Publ., 1934, pp. 124–127. (In Russian)
- 2 Avvakum. Iz besedy vos'moi. [Ob Avraame] [From the Eighth Conversation. [About Abraham]]. In: *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie*

- ego sochineniia* [Life of Archpriest Avvakum, Written by him and his other Works]. [Moscow], Academia Publ., 1934, pp. 140–144. (In Russian)
- 3 Avvakum. Pis'mo k Simeonu: (“Chado bogopriimche!...”) [Letter to Simeon: (“Child of God! ...”)]. In: *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniia* [Life of Archpriest Avvakum, Written by him and his other Works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1960, pp. 225–230. (In Russian)
- 4 Avvakum. Pis'mo k Alekseiu Kopytovskomu [Letter to Alexei Kopytovsky]. In: *Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniia* [Life of Archpriest Avvakum, written by him and his other Works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1960, pp. 236–237. (In Russian)
- 5 A. L<ukanina>. Moe znakomstvo s I. S. Turgenevym [My Acquaintance with I. S. Turgenev]. *Severnyi vestnik*, 1887, no 2, pp. 55–56. (In Russian)
- 6 Aldanov M. A. *Ogon' i dym* [Fire and Smoke]. Parizh, 1922. 190 p. (In Russian)
- 7 Aldanov M. A. Punshevaia vodka [Punch Vodka]. In: Aldanov M. A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: in 6 Vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1991, vol. 2, pp. 426–507. (In Russian)
- 8 Aldanov M. A. Ul'mskaia noch'. Filosofii sluchaia [A Night in Ulm. Philosophy of Chance]. Aldanov M. A. *Sochineniia: v 6 kn.* [Works: in 6 Vols.]. Moscow, Novosti Publ., 1994–1996, vol. 6, pp. 141–438. (In Russian)
- 9 Aldanov M. Povest' o smerti [A Tale of Death]. In: Aldanov M. *Povest' o smerti. Bred* [A Tale of Death. Delirium]. Moscow, Gud'ial-Press Publ., 1999, pp. 25–408. (In Russian)
- 10 Aldanov M. A. Armageddon [Armageddon]. In: Aldanov M. A. *Armageddon. Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Portrety sovremennikov* [Armageddon. Notebooks. Memories. Portraits of Contemporaries], comp. by T. F. Prokopov. Moscow, NPK “Intelvak” Publ., 2006, pp. 5–112. (In Russian)
- 11 Aldanov M. A. Sovetskie liudi (v kinematografe) [Soviet People (in Cinema)]. In: Aldanov M. A. *Armageddon. Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Portrety sovremennikov* [Armageddon. Notebooks. Memories. Portraits of Contemporaries], comp. by T. F. Prokopov. Moscow, NPK “Intelvak” Publ., 2006, pp. 407–419. (In Russian)
- 12 Bazanov V. G. “Gremel moi praded Avvakum!” (Avvakum. Kliuev, Blok) [My Great-grandfather Avvakum Thundered!] (Avvakum. Klyuev, Blok)]. In: *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi: Istoki. Stanovlenie. Traditsii* [The Cultural Heritage of Ancient Russia. Origins. Becoming. Traditions]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 334–348. (In Russian)
- 13 Gartsiano S. Mark Aldanov — “russkii evropeets”, istoriosof i ideolog rossiiskogo evropotsentrizma [Mark Aldanov — “Russian European”, Historiosophist and Ideologist of Russian Eurocentrism]. In: Ural'skii M. *Mark Aldanov. Pisatel', obshchestvennyi deiatel' i dzhentl'men russkoi emigratsii* [Writer, Public Figure and Gentleman of the Russian Emigration]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2019, pp. 16–26. (In Russian)
- 14 Demkova N. S. Predislovie [Preface]. In: *Zhitie protopopa Avvakuma* [Life of Archpriest Avvakum]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2019, pp. 5–12. (In Russian)
- 15 *Zhitie protopopa Avvakuma* [Life of Archpriest Avvakum], publ. by N. S. Demkova and L. V. Titova, ex. ed. by A. G. Bobrov St. Petersburg, Nauka Publ., 2019. 441 p. (In Russian)

- 16 Kozhurin K. Ia. Protopop Avvakum v russkoi literature i poezii [Protopope Avvakum in Russian Literature and Poetry]. In: *Protopop-avvakum.ru*. Available at: <https://protopop-avvakum.ru/protopop-avvakum-v-russkoy-literature-i-poezii/> (accessed 15 March 2020). (In Russian)
- 17 Mazunin A. I. Tri stikhotvornykh perelozheniia “Zhitii” protopopa Avvakuma [Three Poetic Transcriptions of the “Life” of Archpriest Avvakum]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1958, vol. XIV, pp. 408–412. (In Russian)
- 18 Maimin E. A. Protopop Avvakum v tvorchestve L. N. Tolstogo [Protopope Avvakum in the Works of L. N. Tolstoy]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1957, vol. XIII, pp. 501–505. (In Russian)
- 19 Mirskii D. O moskovskoi literature i protopope Avvakume (Dva otryvka) [On Moscow Literature and Archpriest Avvakum (Two Passages)]. In: *Evraziiskii vremennik* [The Eurasian Time Period]. Berlin, 1925, book 4, pp. 338–350. (In Russian)
- 20 Mochul'skii K. V. [Review] The Life of the Archpriest Avvakum by Himself, trans. from the Seventeenth Century Russian by Jane Harresson and Hope Murrlees; preface by Prince D. P. Mirsky. London, 1924. In: *Zveno*, 1925, no 117, April 27. Available at: <https://religion.wikireading.ru/102685> (accessed 20 March 2020). (In English)
- 21 Remizov A. *Ogon' veshchei* [Fire of Things]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1989. 528 p. (In Russian)
- 22 Robinson A. N. Tvorchestvo Avvakuma i Epifaniia, russkikh pisatelei XVII veka [Creativity of Avvakum and Epiphany, Russian Writers of the 17th Century]. In: Robinson A. N. *Zhizneopisaniia Avvakuma i Epifaniia: Issledovanie i teksty* [Biographies of Avvakum and Epiphanius: Research and Texts]. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, pp. 3–135. (In Russian)
- 23 Rozanov Iu. V. Protopop Avvakum v tvorchestvom soznanii A. M. Remizova [Protopop Avvakum in the Creative Mind of A. M. Remizov]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2005, no 7, pp. 437–447. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2682> (accessed 20 March 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2682 (In Russian)
- 24 Sviatopolk-Mirskii D. *Istoriia russkoi literatury s drevneishikh vremen po 1925 god* [History of Russian Literature from Ancient Times to 1925]. Novosibirsk, “Svin'in i synov'ia” Publ., 2005. 964 p. (In Russian)
- 25 Slobin G. N. *Proza Remizova. 1900–1921* [Prose of Remizov. 1900–1921]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1997. 206 p. (In Russian)
- 26 Sokolov A. N. *Pravoslavnaia Tserkov' i staroobriadchestvo* [Orthodox Church and the Old Believers]. Nizhnii Novgorod, Kvarts Publ., 2012. 430 p. (In Russian)
- 27 Sochiva T. A. Apokalipticheskie motivy v “Knige tolkovanii i nravouchenii” protopopa Avvakuma [Apocalyptic Motives in the “Book of Interpretations and Teachings” of Archpriest Avvakum]. In: *Tret'i Miandinskii chteniia: sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (8–9 iuliia 2015 g., g. Syktyvkar)* [Third Myandin Readings: a Collection of scientific Papers Based on the Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (July 8–9, 2015, Syktyvkar)], ed. by T. F. Volkova. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Publ., 2016, pp. 44–50. (In Russian)
- 28 Tufanova O. A. “Kto kovo liubit”, tot” o tom” pechetsia...”: motiv liubvi k detiam v tvorchestve protopopa Avvakuma [“When you Love Somebody, you Look after

- them...” Motif of Love for Children in the Works of Protopope Avvakum]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 56, pp. 89–100. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-89-100> (In Russian)
- 29 Ural'skii M. *Mark Aldanov. Pisatel', obshchestvennyi deiatel' i dzhentl'men russkoi emigratsii* [Writer, Public Figure and Gentleman of the Russian Emigration]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2019. 802 p. (In Russian)
- 30 Khomiakov A. S. O sovremennykh iavleniiakh v oblasti filosofii (Pis'mo k Iu. F. Samarinu) [About Modern Phenomena in the Field of Philosophy (Letter to Yu. F. Samarin)]. In: Khomiakov A. S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Collected works]. 2nd ed. Moscow, Universitetskaia tipografiia na strastnom bul'vare Publ., 1900, vol. 1, pp. 287–318. (In Russian)
- 31 Shadurskii V. V. Poetika obraza Nila Sorskogo v proizvedeniiakh Marka Aldanova [Poetics of the Image of Nil Sorsky in the Works of Mark Aldanov]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2019, vol. 17, no 1, pp. 178–204. DOI: 10.15393/j9.art.2019.5721 (In Russian)
- 32 Shadurskii V. V. Analiz i interpretatsiia povesti M. A. Aldanova “Punshevaia vodka” [Analysis and Interpretation of Mark Aldanov’s Short Novel “Punch Vodka”]. In: *Proizvodstvo smysla: Sbornik statei i materialov pamiati Igoria Vladimirovicha Fomenko* [Generating Meaning: A Collection of Papers and Materials in Memoriam of Igor V. Fomenko], ed. by S. Iu. Artemova, N. A. Veselova, A. G. Stepanov. Tver', Tverskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2018, pp. 343–355. (In Russian)
- 33 Shadurskii V. V. *Mark Aldanov — kommentator russkoi klassiki* [Mark Aldanov — Commentator of Russian Classics]. Velikii Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2016. 111 p. (In Russian)
- 34 Mirsky D. S. [Preface]. *The Life of the Archpriest Avvakum by Himself*, trans. from the 17th Century Russian by Jane Harresson and Hope Mirrlees with a Preface by Prince D. S. Mirsky. Leningrad, Hogarth Press, 1924, pp. VII–XXX. (In English)